

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЛАДИМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И КУЛЬТУРА

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
23-25 СЕНТЯБРЯ 1997 г.

ВЛАДИМИР - 1997

ББК 83. 011

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВГПУ

Художественный текст и культура. Тезисы докладов на международ-
ной конференции 23-25 сентября 1997 г. - Владимир: ВГПУ, 1997.
- 153 с.

ISBN 5-87846-138-2

Редакционная коллегия: И.Л. Альми,
Н.М. Владимирская,
В.В. Кудасова,
С.А. Мартьянова,
И.С. Приходько (отв. редактор)

ISBN 5-87846-138-2

© Кафедра русской и зарубежной
литературы
Владимирский государственный
педагогический университет, 1997

ТЕКСТ: ЗАГЛАВИЕ И ЖАНР.
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

5

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО
ТЕКСТА

28

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕКСТА.
МЕЖТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ

50

МИФОПОЭТИКА

78

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС:
ЧЕРЕЗ ВЕКА И СТРАНЫ

ЗАПАДНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ XIV-XVIII ВЕКОВ

109

РОМАНТИЗМ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

116

ТРАДИЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ
ТЕКСТА

136

Э. фон Эрдманн-Панджич (Эрланген-Нюрнберг)
"ЧЕРНЫЙ МОНАХ" А.П.ЧЕХОВА:
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО?

Рассказ "Черный монах" относится к произведениям Чехова 1892-1895 годов, и время его создания совпадает, таким образом, с периодом формирования символистского движения в России.

Чехов описывает здесь развитие психоза. Сущность психоза передана автором через образ "черного монаха", который тысячу лет тому назад скитался по пустыне, и подобно миражу, бесконечно отражался во всех сферах, чтобы в итоге быть снова отраженным на земле. Тем самым Чехов присвоил имеющей здесь место персонификации как дополнительное значение Вечно Скитающегося (например Агасфера), так и надвременной и надпространственный бытийный статус, который характеризуется признаками вездесущности, объективности, а равно и галлюцинации. Особенно интересно в рассказе сочетание безумия и высшего смысла жизни в отношении героя к собственному психозу, являющемуся ему в лице черного монаха. Любовь, счастье, увлеченность профессией и призвание к ней, а также мобилизация сил изображаются Чеховым, вопреки ожидаемым эффектам, как результат болезни, а пустота, разрушение и физический распад, наоборот, как результат выздоровления. Однако этот факт должен оцениваться не только как попытка писателя скомпрометировать распространенные представления о Нормальном,

но и может рассматриваться в контексте изменения отношения к материалу так называемой психической патологии как разоблачение психиатрической практики того времени. Исходный пункт дискуссии образует соединение безумия с высшим смыслом жизни. Обусловленность данного соединения психозом, расщеплением личности и неврозом была впервые систематически исследована в работах Карла Густава Юнга, который установил также непосредственную связь между ней и традициями философии, религии и магии. Сделанные из этих исследований выводы отказываются от недифференцированного отвержения тех субстанций психики, которые прорываются на поверхность при психических заболеваниях и требуют вместо этого их ассимиляции как необходимой предпосылки счастья, смысла и витальности.

Эта психология, разработанная лишь десятилетиями позже, прекрасно применима для аналитического описания, классификации и оценки психических процессов, изображенных в рассказе. В Чехове можно видеть своего рода предтечу этого нового взгляда на считающийся патологическим психический материал психозов и расщепления личности. Одновременно интересен и тот факт, что К.Г.Юнг с целью поддержки и обоснования своего нового взгляда ссылается на те же традиции, которые служат символистскому движению в качестве основы провозглашенных им теургических и люциферских способностей гениального человека-творца.

В обозначенных пределах обсуждению подлежат три тематические раздела:

1) типологические и - возможно - генетические связи между рассказом Чехова, теоретическими посылками русского символизма и аналитической психологией Юнга;

2) возможные источники Чехова, что касается вероятных философских основ образа бесконечного отражения и последующего распространения образа миража в другие сферы, местоположения надвременной и надпространственной фигуры в психике отдельной личности, перенесение высшего смысла жизни в "отродие безумия", возможной связи между вопросом о "правде", обсуждаемым героем и его галлюцинацией, и русской традицией Правды;

3) оценка Чехова с точки зрения его значения для русского символизма на основании предпринятой им литературной обработки материала психической патологии.

В то время как одной движущей силой символизма на исходе философских, герметических, магических, некромантических и русских традиций провозглашалась теургическая сила человека-творца, а второй такой же силой на исходе тех же традиций, а также традиций эстетических - люциферское бессилие, Чеховым была описана еще одна основа таких сил: объективное и вездесущее бессознательное, которое при психической патологии персонифицируется галлюцинацией и одновременно представляет собой *conditio sine qua* поп "гениальной" жизни, исполненной вдохновения. Вместе с тем, он дал примечательную, подлежащую обсуждению именно в отношении ее связи с символизмом переоценку Болезни и Здоровья, признание которой некоторое время спустя вдохнет новую жизнь и в психологию.